

Святослав Хроменков / Фото со страницы Хроменкова в фейсбуке

18.02.2020, 12:30

ИНТЕРВЬЮ

«Вернусь в Россию — отправят в СИЗО»: интервью с руководителем фонда «Сибирь без пыток»

Руководитель фонда «Сибирь без пыток» Святослав Хроменков в декабре поехал на конференцию в Болгарию. В это время в Иркутске в его квартиру и квартиру его жены пришли с обысками, а счета организации заблокировали. Хроменков решил временно остаться за границей. Он рассказал ОВД-Инфо, как и за что его преследуют.

Пока непонятно, когда вы сможете вернуться?

— Да, пока непонятно. Но сразу хочу сказать: я вернуться намерен, я не собираюсь просить убежище.

Вы сейчас в Болгарии?

— Скажем так: я не в России.

Появились подробности, что это за уголовное дело, по которому вы проходите?

— Уголовное дело, [по которому проходили обыски], возбуждено в отношении постороннего лица. В 2015 году я работал помощником адвоката. Задержанный адвокат по фамилии Носков работал в той же коллегии, что и я. По работе мы взаимодействовали. Ему вменяют четвертую часть 159-й статьи (статья УК о мошенничестве — *ОВД-Инфо*). Якобы Носков покусился на какие-то деньги.

Я следствию стал интересен, потому что работал с ним в одно время в одной коллегии, никакого статуса по делу у меня нет. В связи с этим пришли с обыском в нашу правозащитную организацию (квартира Святослава Хроменкова является также и офисом «Сибири без пыток» — *ОВД-Инфо*) и в квартиру моей жены.

Прошу заметить, обыск [у меня] проводили в квартире, а постановление у них было на обыск в нежилом помещении. По Жилищному кодексу, я имею право работать там же, где живу. При этом обыски в жилых помещениях, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, нельзя проводить без санкции суда.

Постановление выписывало ФСБ, именно они направили следственную группу. Приходили сотрудники ФСБ, Следственного комитета, полиции, а также СОБР для силовой поддержки. [Дверь в квартиру] болгаркой выпиливали сотрудники МЧС.

10 декабря [2019 года] было возбуждено уголовное дело, 12 декабря с обыском пришли ко мне, а 17 декабря — в квартиру моей [гражданской] жены. В этот день мы планировали свадьбу. Счета «Сибири без пыток» заблокировали.

На основании чего заблокировали счета?

— Мы имеем решение налогового органа о том, что счета заблокированы. Чтобы узнать основания, мне нужно приехать в Россию.

Вы говорили, что на вас готовится обвинение за какую-то экстремистскую литературу. Откуда такая информация?

— Мы пытаемся узнать, возбуждено ли против меня какое-то уголовное дело. Неофициально нам говорят, что возбуждено по экстремизму. Это какой-то бред. Если честно, я читаю только юридическую литературу. Только в эвакуации, вот, читаю стихи Есенина.

Святослав Хроменков / Фото со страницы Хроменкова в фейсбуке

Тем более, кроме хранения [экстремистской литературы, для уголовного дела] нужно доказывать ее распространение. Я провел более 60 тренингов для гражданских активистов, но ничего такого не распространял. Разве что-то попытаются подкинуть. После обыска 12 декабря нам не дали копию протокола с перечислением того, что изъято. Адвокат и моя мать, присутствовавшие на обыске, не видели, чтобы

подкидывали и изымали какие-то книги. 17 декабря у моей жены тоже никакие книги не изымали.

В чем конкретно обвиняют адвоката Носкова, по делу которого у вас был обыск?

— У него есть решение арбитражного суда о взыскании деньги с какой-то коммерческой организации. Взял исполнительный лист и предъявил его. Это и вменяют ему как покушение на мошенничество. Власти решили преодолеть обязательность исполнения судебного акта и утверждают, что он совершил действия, имеющие признаки преступления.

Не понимаю: если есть решение суда, где тут мошенничество?

— Я тоже не знаю, где тут мошенничество, это какая-то юридическая фикция. По закону каждый судебный акт имеет обязательную силу. По этому судебному акту Носков получил исполнительный лист, что ему должны какую-то сумму. Предъявил его, не знаю куда — наверное, в службу судебных приставов. Деньги эти не взыскали, потому что у предприятия не было денег, насколько я понимаю. Но сам факт того, что деньги он хотел взыскать, посчитали покушением на мошенничество.

Очень круто. То есть на адвоката Носкова завели дело не только, чтобы давить на вас, а у него какие-то свои проблемы с органами были?

— Он — бывший прокурор, занимается земельными спорами. Знакомые мне говорили, что он не поделился с ФСБ-шниками. Якобы Носков не уступил ФСБ-шникам какой-то кусок земли, те оскорбились и решили его преследовать. [Ему приписывают] экономическое преступление. Путин говорил, что за экономику не нужно сажать, а Носков — в СИЗО. Ему недавно продлили срок содержания под стражей, потому что он не признается.

А вас подтянули, когда поняли, что вы знакомы.

— Я [иду] прицепом. Видимо, у них моя фамилия зафигурировала, они подумали: а чего бы нам не обыскать Хроменкова? Что изъяли [в моей квартире]? Изъяли деньги моей матери, которые она отложила на ипотеку, недавно продав квартиру. Шесть единиц оргтехники: компьютеры, ноутбуки — мы стрим-эфиры ведем. [Некоторые из них] куплены на грант от ООН, а также личные ноутбуки волонтеров. У нас изъяли финансовую документацию за 2019 год, при том что [уголовное дело о попытке мошенничества] возбуждено по событиям 2015 года.

17 декабря вы уже приняли решение временно не возвращаться в Россию, несмотря на то, что ранее планировали свадьбу с гражданской женой в этот день?

— [Мне рассказали], как проходил обыск у меня дома, с каким количеством нарушений. Я понял, что если вернусь в Россию, меня тоже отправят в СИЗО. Свадьбу 17 декабря мы планировали в 17 часов, пришли они в обед, около 14 часов. Как будто специально хотели сорвать свадьбу. Обыск шел четыре часа.

Почему «Сибирь без пыток» и вы лично подвергаетесь давлению?

— Вместе с фондом «Общественный вердикт» мы занимаемся делом о пытках [Марины Рузаевой](#) в «Усольском» отделе полиции. Скоро четвертый год будет, как мы этим делом занимаемся, вскоре оно будет направлено в суд, сотрудникам [МВД] предъявляют обвинения. Обвиняемые — трое оперативников. Дело неоднократно прекращали, мы добились, чтобы им занялся Сибирский федеральный округ — следственная группа приехала из Новосибирска, [в ней нет] людей из Иркутска.

У нас в производстве еще четыре уголовных дела, в которых фигурируют девять сотрудников правоохранительных органов. Обыск 12 декабря проводил следователь, который [ранее расследовал и] разваливал дело Рузаевой, а теперь является по нему свидетелем. Неделю назад этого следователя допрашивали в качестве свидетеля, а теперь он ко мне с обыском пришел. В прошлом году мы помогли привлечь к ответственности четверых сотрудников [правоохранительных органов], троих оперативников и одного ППС-ника.

Я правильно понимаю, что «жертвы» «Сибири без пыток» — в основном сотрудники МВД? Почему против вас тогда работает ФСБ?

— Мое мнение: у нас в Иркутской области в СИЗО-1, СИЗО-6 и в усольском изоляторе временного содержания (ИВС) существует пыточный конвейер. Мы публиковали списки «разработчиков» — тех, кто пытал арестованных, сотрудничая с властью по закону об оперативно-розыскной деятельности. У них есть официальные договоры, они даже пенсию пытаются получать за то, что людей в СИЗО пытали. В СИЗО-1 уже приехала комиссия из Москвы расследовать жалобы на «разработчиков». У одного из них, Андрея Бевзюка по кличке «Мафия», изъяли тетрадку с анкетными данными людей, которых «разрабатывали». Предполагаю, что ФСБ не выгодно, чтобы мы этот конвейер прекратили. Не будет пыток, у них раскрываемость упадет, они дела фабриковать не смогут.

— Вам кажется, есть шанс, что вас прекратят преследовать и вы сможете беспрепятственно вернуться в Россию?

Мы работаем третий год с ООН, я горжусь этим сотрудничеством. Мы эффективно защищаем простых людей. Мы предполагали, что, возможно, понадобится эвакуация, что, возможно, мне придется уехать. Я был готов и к посадке. Это риски: мы боремся за права

человека не потому, что это легкая работа, а потому, что это нужно делать. Протокол безопасности у нас работает: я выехал и дистанционно руковожу организацией, все остальные — на месте. Юристы, волонтеры — всех вместе практически сорок человек.

Я люблю и горжусь своей родиной, я хочу вернуться. Я не хочу бежать от опасностей: единственное, чего я прошу — чтобы власти расследовали объективно, если ко мне есть какие-то претензии, они должны быть обоснованными. А не чтобы в мою квартиру вламывался СОБР, а сотрудник МЧС махал пилой-болгаркой перед лицом моей матери.